

Предатель / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Предатель / рассказ ПРЕДАТЕЛЬ

– Коридор пуст, – сказал Серёга, возвращаясь на лестничную площадку. Я стоял лицом к стене и ржавым гвоздём старательно выводил: «Ирка дура!»

– Твоя очередь стучать, – не унимался он. – Добегаешь, стучишь и обратно.

– Да знаю я! Чего пристал? – огрызнулся я, сплёвывая на пол. – Сейчас допишу только.

Буквы получались неровными, как кардиограмма моей бабушки, которая гостила у нас на майские праздники.

В общежитии было тихо – лето сезон отпусков. Почти вся детвора разъехались по деревням, и только мы с Серёгой наводили шороху в ожидании летнего лагеря.

– Чё ты там возишься? – фыркнул он, прищуривая свои узкие, как у китайца глаза. На его загорелом лице появилась ехидная улыбка. – Влюбился что ли?

– Сам ты влюбился! Не видишь, что пишу – дура, же!

– Ага! Заливай, давай! – заржал Серёга. – Щас нос, как у Пиноккио вылезет!

– Щас твой нос разобью! – не выдержал я.

– Ну-ну! Так я и испугался! – парировал он.

Я отбросил гвоздь и, сжав кулаки, повернулся в его сторону.

– Поспорим?

– Кто спорит – тот говна не стоит!

Мы стояли, готовые в любой момент кинуться друг на друга. Было видно, как дождевым червём вздулась на его шее яремная вена, как съехала на глаза, вылинявшая на солнце чёлка, как побагровели оттопыренные уши, напившись собственной крови. Любой звук заставил бы нас броситься в драку.

А драться мы любили. Мы смотрели все фильмы про восточные единоборства, которые показывали на большом экране. Весной мы семь раз ходили на «Хон Гиль Дона», и возвращаясь обратно, по

скользким промёрзшим стенам, забирались на железные гаражи, срывали огромные сосульки и дрались ими прыгая с крыши на крышу. Нам казалось, что мы в совершенстве владеем искусством контактного боя.

– Ладно, забыли! Шучу я! Поважней дела есть... – он подмигнул мне и снова выглянул в коридор. – Ну чё, ты готов?

– Да готов, готов...

Его настойчивость меня напрягала, особенно, если он начинал командовать. Но надо отдать ему должное, он умел принимать решения. Так было всегда. Так было и в тот день, когда нас закрыли на чердаке, куда мы отправились на поиски сокровищ. Когда мы поняли, что оказались в ловушке и нас непременно поймают, Серёга заметил люк, ведущий на крышу и первый в него сиганул. Я остался один. На чердаке было таинственно и страшно. Воркование голубей, нашедших пристанище под самой крышей, казалось мне шёпотом призраков, охранявших сокровища. За спиной мне почудился шорох. Сердце учащённо забилося. По телу побежали мурашки. Страх оказаться наедине с надвигающимися тенями толкнул меня к открытому люку. Крыша была двускатной. Кровля нагрелась и металлическим блеском слепила глаза. От люка до пожарной лестницы было несколько метров. Стараясь не думать о том, что можно свалиться с крыши, я сел на корточки и покатился вниз.

Бесшумно вырвав из-за угла, я исчез в пустоте коридора.

Комната сегодняшней жертвы находилась напротив кухни, где стояли огромные электрические плиты, гудящие как пчелиные улья. Время от времени мы бросали пластилин в кастрюли соседям и ржали до одури представляя их лица.

Я шёл по скрипучим рассохшимся доскам второго этажа, неумолимо приближаясь к заветной двери. На мне были новые кеды – синие, на мягкой белой подошве с красной каёмкой и резиновой круглой печатью на щиколотке. Маме не нравилось, что я бегаю в кедах. Она говорила, так можно испортить ноги – ведь кожа не дышит. Но мне было наплевать.

Серёга выглядывал из-за угла и что-то шептал мне вслед. Но я его уже не слышал. Меня заботило только одно – как постучать и унести ноги, чтобы тебя не поймали.

Деревянная дверь, выкрашенная белой краской, со временем пожелтела и местами облупилась. Выступающие ромбовидные филёнки в каждом из четырёх квадратов, на которые крестообразно поделено полотно двери, были оклеены цветастыми обоями. Комната номер двадцать шесть безвкусно выделялась на фоне остальных жилых помещений фабричного общежития.

Я изо всех сил пнул дверь и пустился наутёк.

Кеды сами несли меня по воздуху. Я не бежал, а бесшумно парил под потолком коридора, вдыхая фабричную пыль, десятилетиями висевшую под этими сводами.

– Ну ты и спринтер, – с завистью сказал Серёга, едва я завернул за угол.

– Ещё бы! – ничуть не запыхавшись, выпалил я.

Где-то между нами и нашим будущим скрипнула неуклюжая дверь.

– Вот я поймаю вас сорванцов – уши то надеру! – кричал женский голос.

Мы давились от смеха.

– Давай подождем несколько минут, – предложил я.

– Не... Не будем... Разве только пока она дойдет до дивана.

Мы стояли и улыбались, заговорщицки глядя друг на друга. Мы были как братья, как две стороны одной медали: совершенно не похожие друг на друга, но представляющие собой единое целое. Нам казалось, что мы – навсегда; что нет такой силы, которая способна нас разлучить.

– Хочешь я открою тебе секрет? – спросил он однажды, когда мы в потёмках возвращались из детского сада. Мы сидели на санках прижавшись друг к другу. Мама прорывалась сквозь снежный буран и, словно электровоз-тягач, тащила нас за собой.

– Конечно хочу!

– Если смотреть не фонарь сквозь ветви деревьев, то можно увидеть, как они замыкаются в круг.

Я поднял голову и посмотрел в стеклянный глаз фонаря. Узловатые пальцы ветвей, припорошенные выпавшим снегом, серебряными кольцами закручивались в тусклом свечении лампы.

– Видишь?

– Вижу.

– Только никому не говори. Это будет наша с тобой тайна.

- Хорошо.
- Обещаешь?
- Да.
- Обещаешь?
- Обещаю.
- Все, я пошёл! – сказал Серёга и исчез за углом.

Мне стало тошно. Беспокойство отчаянным ворм закрадывалось в детское сердце.

Я выглянул в коридор.

Стараясь ступать осторожно, Серёга тенью скользил вдоль обшарпанных стен. Вот он идёт чуть согнувшись. Оттопыренные уши прозрачны в искусственном свете. Отсюда кажется, что Серёга спокоен. Он беззвучно подходит к двери, оборачивается и улыбается мне. Я подмигиваю в ответ. Серёга заносит руку – стучит. Дверь открывается, и невидимая сила затаскивает его внутрь.

Я остаюсь на площадке.

.....

...

Весь вечер я не находил себе места. Я знал, что Серёга наказан. Немного поторчав под его дверью, я взял рогатку и спустился на улицу. Нашёл под скамейкой стеклянные бутылки, расставил их полукругом и начал стрелять. Пальцы меня не слушались. Резинка всё время выскальзывала из рук. Камни летели мимо. Вот бы Серёга был здесь – он бы точно попал! Мне очень его не хватало.

Стало темнеть. Я вернулся в общагу. Мама накрыла на стол. Она приготовила макароны с котлетой и клубничный кисель. Я молча сидел за столом и ковырял мельхиоровой вилкой в тарелке.

- Не хочешь есть?
- Нет.
- Не хочешь?
- Хочу.

Я разломил котлету, подцепил кусок и отправил его в рот.

- Как прошёл твой день?
- Нормально.
- Чем занимался сегодня?

- Да так... Гулял.
- С Серёжей?
- Да.
- Он хороший мальчик.
- Ещё бы.

Мы помолчали.

– Я помню, когда вы были в садике, воспитатели всё время на вас жаловались. Вы доставляли им массу хлопот. Они вас называли два весёлых гуся, – мама засмеялась. Смех у неё был громким и заразительным. Я улыбнулся.

– А когда ты упал и рассёк себе бровь, – она потрогала маленький шрам у меня на лице. – Серёжа ездил с тобой в травмпункт. Он очень переживал.

Я смутно помнил эту историю. Упав с качелей, я потерял сознание. Потом у меня в голове всё смешалось: дорога в больницу, операционный стол, доктор в белом халате, перепуганное лицо воспитателя.

– Он хороший мальчик, – повторила мама и погладила меня по голове.

.....
.....

Утро нового дня было хмурым. Небо провисло под тяжестью серых набухших туч. Резкий порывистый ветер расшатывал полусгнившие качели. Они скрежетали от злости, но возвращались в исходное положение. Мы сидели на старых покрышках, наполовину закопанных в землю.

– Мне не разрешают с тобой общаться, – пряча глаза сказал Серёга.

– Почему? – удивился я.

– Говорят ты предатель. Бросил друга в беде.

– Серый, а что я мог сделать? – сказал я в своё оправдание. – Это рулетка. Я же не виноват, что попался ты. Я ждал тебя на площадке сколько мог. Потом пришёл твой отец и забрал тебя.

– Я-то понимаю, а они нет, – сказал он краснея.

– Ну а сам то ты как считаешь? – спросил я.

– Я не знаю...

– Эх, ты...

В лагерь он не поехал.

Через месяц его родители получили квартиру, и я его больше не видел.

Об авторе: ВАЛЕРИЙ МАККАВЕЙ

Валерий Алексеевич Сухарев. Живет в Нижнем Новгороде. Окончил ННГУ им. Н.И. Лобачевского, квалификация юрист. Работает преподавателем. Публиковался в журнале «Нижний Новгород», альманахе «Земляки», на сайте журнала «Юность». Neкаýalar